

К Р О К О Д И Л

ОДИННАЦАТЫЙ
ГОД ИЗДАНИЯ

МАРТ 1932 г.

МОСКВА

N. Potom
Н. Потом

СТАРЫЙ БЫТ БУДЕТ БИТ!

— И к быту, проклятые, подобрался. Из последней щели нас выкуривают!..

Письмо из будущего

... овий быт отвоевывал у быта старого пядь за пядью. Старое с жесточайшими боями сдавало позиции, которые оно занимало веками. Новое упорно двигалось вперед сквозь строй преград, через Эльбрус непонимания, косности, обывательщины. И надо было много энергии, мужества, решительности, чтобы создать новый быт, быт, достойный великих строителей социализма.

Повторю, препятствия встречались на каждом шагу. Приведу для примера дома той эпохи. Это были сооружения, похожие на ящики. Обитатели считали величайшим позором для своего рода пользоваться предметами соседа.

— Боже упаси, — как они выражались, — чтоб у Тюлькина утюг взять... да ни в жисть!

Такая концепция, естественно, влекла за собой самые фантастические последствия. Если, допустим, в квартире жило 6 семейств, то они имели: 6 самоваров¹, 6 утюгов, 6 поло- вых щеток, 6 кошек², 6 примусов³ и одну прочищалку⁴ для примусов, да и то ваятую на прокат в соседнем доме.

Вы спрашиваете: почему одна прочищалка, а не 6? Очень просто, если бы у каждой семьи была своя собственная прочищалка, то моментально исчезла бы база для склоки, — этого любимейшего развлечения обитателей квартир.

Происходило это, примерно, таким порядком. Женщина из рода Кривоноговых выходила на кухню и начинала зажигать примус. Род Тюлькиных, услышав энергичное действие насоса, мгновенно воспламенялся жаждой к чаю. Один из тюлькинцев спешно откомандировывался на кухню с наказом:

— У Кривоноговых примус всегда засорен, прочищалку из рук не выпускают. Сначала ты прочишь, а потом пусть они!

Кривоногова, действительно, мучилась с примусом. Он шипел, вонял, но гореть по-человечески отказывался. Тогда она, изнеможенная, воскликнула:

— Странно! Все время работал! Не иначе, как Тюлькины испортили. Постоянно чужим норовят воспользоваться, дьяволы⁵, а не люди!

Полпред рода Тюлькиных, получив подобную характеристику, выкатывал

1. Самовар — кустарный завод по производству кипяченой воды. Работал на древесном угле, уничтожил за свое многолетнее существование тысячи тысяч гектаров леса.

2. Кошка — раскладчик завалы и склоки.

3. Примус — фабрика-кухня.

4. Прочищалка — предмет неосвоенный.

5. Дьявол — слово, выражающее верх вежливости.

Фельетон Ф. Уралова

Заставка К. Р.

С одним из метеоритов мы получили письмо, которое излагает доклад профессора-историка, сделанный в 1950 году. Письмо проделало громадный космический путь и пришло в несколько потрепанном виде. Не имея возможности воспроизвести его полностью, приведем в сокращенном виде.

Глаза, багровел, как солнечный закат летом, и свистящим шопотом бросал:

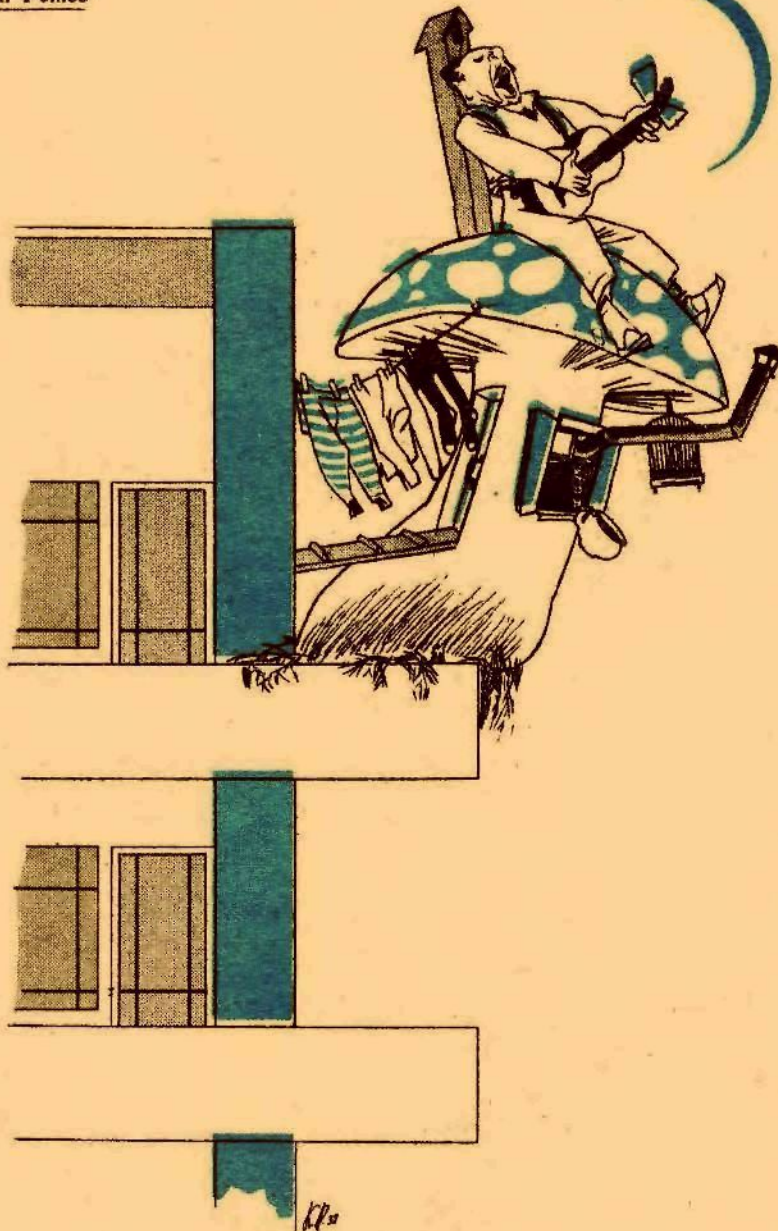
— Во-первых, вы, Кривоноговы, дьяволы, во-вторых, вы соль⁶ у нас таскаете, в-третьих, Митрий, выходи на кухню!

Дальше действие разворачивалось спокойно и просто: скорая медицинская помощь, отделение милиции, нарсад.

Особо надо остановиться на женщинах-домохозяйках. Они страстно тянулись к новому. Но индивидуальное хозяйство: готовка пищи, стирка белья, уборка комнат, уход за ребятами, держало их в стальных тисках.

⁶ Соль — кристалл. Употребляется в пищу и для насыпания на хвосты.

К. Ротов

НАДСТРОЙКИ, К СОЖАЛЕНИЮ, ЕЩЕ ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ НА НОВЫХ ДОМАХ.

Разумеется, при таком отношении к общественному питанию столовые долго не могли стать действительными организаторами нового быта.

... Воспитанию детей уделялось чрезвычайно много внимания. В эту эпоху как раз и начали развиваться ясли, детсады, детплощадки. Но их было все же мало. Тут получало свое первое воспитание подрастающее поколение. Весьма любопытно отметить ту косность, которая наблюдалась среди матерей. Малышу Пете рассказывали всякие небывшие про ясли, а ежели он был шулуном, то припугивали:

— Будешь баловаться, — отдадим в детсад.

Были, правда, дети-герои. Они на подобные родительские кавендешские измышления отвечали:

— Мама, влешь!

Мама истерически вскрикивала: — Ах, это тебя в детсад научили! — поднимала длань для возмездия. Малыш подставлял щеку или затылок, смотря по положению материнской руки, и заявлял:

— Пополюбуй, тлонь, — позазуюсь милиционеру!

... Особо стоит остановиться на гигиене и санитарии в жилищах. Грязь было в некоторых домах, — старшие скажут только! Один из летописцев того времени прислал в журнал «Крокодил» корреспонденцию. В ней он со всей беспристрастностью приводил следующий факт:

«В конце 1931 года хозяйственники торфоразработок Марково — Сборное им. Колотилова, в Ивановской промышленной области решили навести чистоту в общежитиях рабочих-торфяников — начали морить тараканов. Результаты получились блестящие: из 15 общежитий вывели 32 коровны мертвых тараканов!»

Летописец заканчивает свою краткую повесть так:

«Не побьли наши хозяйственники мировой рекорд по разведению тараканов? Не следует ли вместе с ними, т.-е. тараканами, вывести кого следует?»

... Можно было бы привести бесчисленное множество фактов, случаев, которые задерживали внедрение нового быта, извращали политику партии и правительства в этих вопросах. С ними велась решительная борьба.

И чем больше трудящихся вовлекалось в общественную, политико-воспитательную и производственную работу, чем шире разворачивалось жилищное и культурно-бытовое строительство, тем меньше и меньше оставалось места для осколков старых традиций, навыков, обычаев. Новое, социалистическое постепенно наполняло каждый кубометр воздуха. Старое, лишнее питательных корней, блекло и, наконец, как тогда говорили: «приказало долго жить», т.-е. умерло.

... Следующая... эскадра и буд... посвящена этому периоду эпохи ...ательства социалистич... быта!

ЖИЛ-БЫЛ жилец в квартире,
При нем ютился клоп:
Он целился, как в тире,
И в грудь, и в бок, и в лоб.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Вот клоп!

Он ночью постоянно
Активно наступал:
Жилец чесался рьяно,
Пока не засыпал.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ай, клоп!

Стал клоп крупней ореха,
Ползет с большим трудом...
Как вдруг — жилец наш с'ехал, —
Вселился в новый дом.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ой, клоп!

Вот тут пошли делишки, —
Был клоп и — сразу сплыл:
В истлевшем барахлишке
Жилец клопа забыл.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ах, клоп!

В квартире новой — ванна,
Паркет — не перевозочь!
Но все же, как ни странно,
Жилец не спит всю ночь.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Где клоп?

Жильца тощища гложет,
Ужасно ноет грудь:
Жилец никак не может
Без клопика уснуть.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Мой клоп!

Зовет курьера вдруг он —
В приказе строгий стиль:
Эй, за клопом, за другом,
Послать автомобиль!
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ну, клоп!

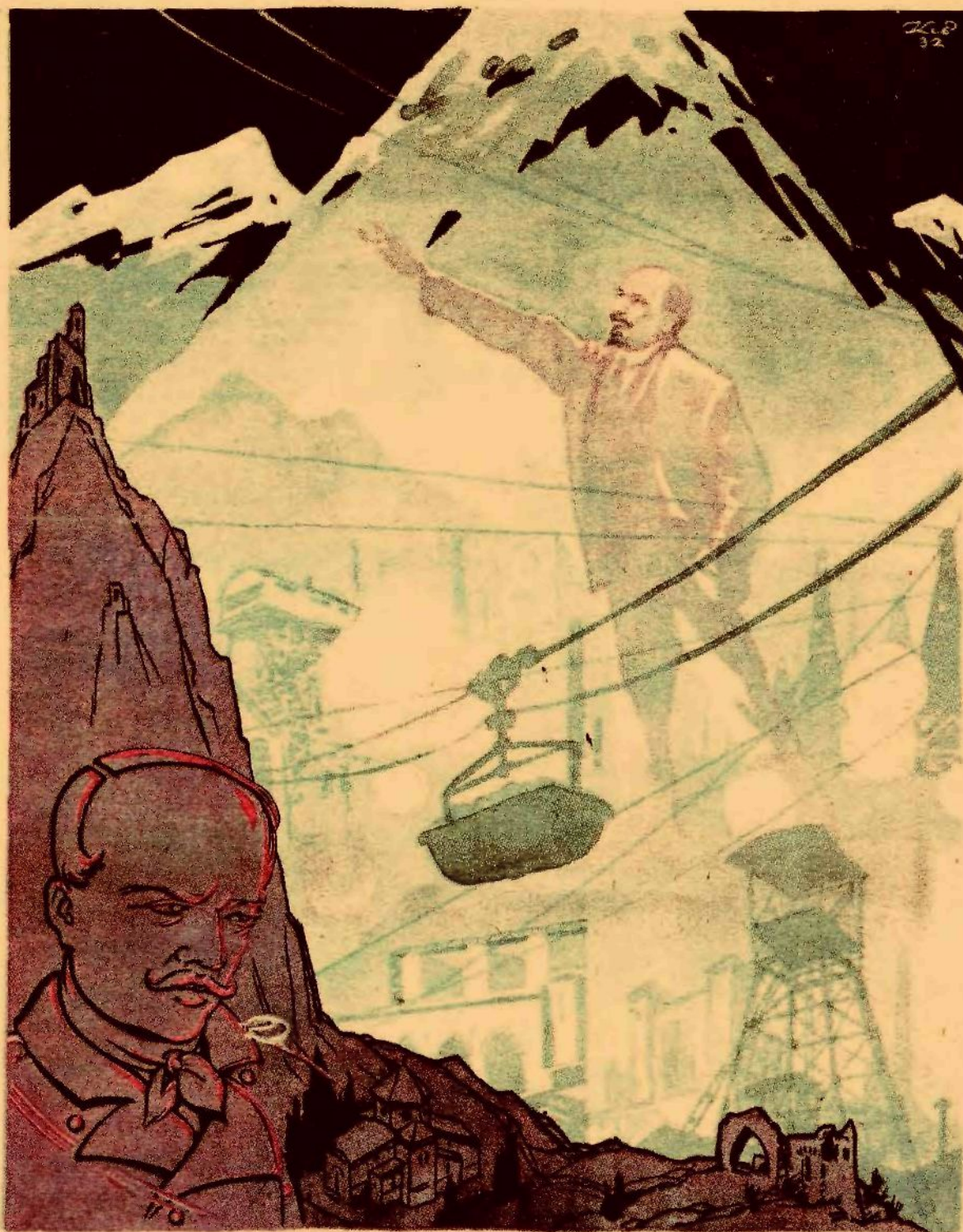
И вот клопа встречают
Со старым барахлом:
Кричат „ура“, качают,
Все бьют ему челом.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ай, клоп!

Прием — в мажорном тоне,
Прием, как теплый душ:
Клопу на граммофоне
Играют громкий туш.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Вот клоп!

Опять житье настало.
Клопу здесь пропуск дан —
В подушки, в одеяло,
В портфель и чемодан.
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ну, клоп!

И вот клопа родного
Опять жилец ютит:
К жильцу вернулись снова
И сон и аппетит!
Гоп, гоп, гоп, гоп,
Ай, клоп!

К. Елисейев

ЛЕРМОНТОВ: — Не узнаю Кавказа... Вместо башни Тамары — ЗАГЭС, по девственным горам фуникулеры бегают...
В. Гранов.

ПОВЕСТЬ О ЛЕБЕДЕВЕ ИВАНЕ ЯКОВЛЕВИЧЕ

(В одном обеде и двух речах)

ДО СИХ ПОР Штеровка была известна, как электрическое сердце Донбасса. Но, кроме новой электростанции, в городе обнаружена еще одна достопримечательность, незаслуженно забытая современниками.

Это Лебедев Иван Яковлевич.
Под его мудрым руководством, силами рабочих Хрустального рудоправления, каменный сарай был переоборудован в кооперативный магазин.

Обошлась перестройка в 3.000 рублей, и останавливаться на этом не стоило бы... Если бы не широкая «русская» натура Ивана Яковлевича.

Окончание столь ответственного строительства Лебедев решил отпраздновать достойным образом.

К празднику начали готовиться задолго до назначенного срока. В местной типографии печатались пригласительные билеты, продукция пивоваренного завода была забронирована «на корню».

Был поставлен на ноги весь музыкальный актив города, состоявший из двух духовых оркестров. Сыграть им долго не удавалось, так как один из них специализировался на похоронах, а другой на торжественных заседаниях и вечерах. Для задуманного же Иваном Яковлевичем фестиваля музыка требовалась исключительно подъемная.

Открылось торжество, как полагается, митингом. Ивана Яковлевича так и не дождались. Они изволили подкатить в экипаже прямо к художественной части, то-бишь к обеду.

Вслед за Иваном Яковлевичем гости нестройной толпой проследовали в столовую. Музыка играла туш, под звуки которого тут же, у входа, каждому из приглашенных торжественно вручалось пиво (по бутылке на «пивока»).

Начались не менее торжественные речи под аккомпанемент хлопающих пробок. Иван Яковлевич сиял. Высокие чувства, переполнявшие его душу,

и желудок, достигли своего апогея во время речи тов. Мезеря Анисима Андреевича.

— Да здравствует, — сказал он, подняв бокал с мутной жижицей, — советская власть, а также Лебедев Иван Яковлевич. Урррррррр!

Воодушевленный пивом оркестр громыхал... Отвечал на приветствия сам Иван Яковлевич.

— Да здравствует мировой пролетариат, а также тов. Мезерь Анисим Андреевич. Урррррррр!

Торжество продолжалось свыше двух часов и обошлось всего-навсего в две тысячи рублей. Немногим меньше стоимости сооружения магазина, открытие которого праздновалось столь торжественно.

Какое счастье, что Лебедеву Ивану Яковлевичу вкуче с Мезерем Анисимом Андреевичем не было доверено строительство Магнитогорска...

Евстигней Метелкин.

В ЭТОМ ГОДУ все летчики и летчицы-наблюдатели Э-свой эскадрильи переженались. Так бывает,— вдруг все женятся. При желании и Орехов мог бы не отстать от своих товарищей. Парень он красивый. Красивый — в данном случае слово не подходящее и само слово бракованное. Да и какой он красивый,— на щеке шрам нос приплюснутый и губы грубые. Но в Орехове все

это было очень симпатично. Не будь шрама и губы как надо и нос в порядке. — было бы хуже.

Так-то при желании и Орехов мог бы не отстать от своих товарищей, но он не торопился. Вообще не из каких-нибудь принципиальных расхождений по вопросу о браке. Он к браку относился вполне благожелательно.

— Женятся, и хорошо,— рассуждал он,— но и все-таки подожду. Торопиться некуда.

При том, наблюдая жизнь женатых, он не особенно завидовал ихнему тихому уюту, ихнему семейному счастью. Из уюта часто доносился звуковой скрежет, а иногда оттуда летели осколки тарелки и стаканы.

Орехов не завидовал женатым.
— Женятся,— пусть себе женятся. Я подожду,— не к спеху.

Главное, ему казалось, что среди женщин самый большой процент мешая. Там их самое гаванное болото. Он, конечно, великолепно знал социальные корни этого дела. И вовсе не придавал значения тому факту, что мозг женщины на полтора грамма легче мужского. Он знал, что дело не в этом. Он и Бебеля читал— «Женщина и социализм»— и из истории революции знал многих прекрасных, талантливых женщин. Но вот в жизни Орехову такие не попадались.

— И почему это,— думал он с досадой,— как у девушки глаза цветут и чулки светятся, так дура-дура, а как поумней и посодержательней, так тошно смотреть. Конечно, это не правильно, но Орехов большей частью сталкивался именно с такими экземплярами. Ясно, с такой своей жизнью не свяжешь. Пошутить с ней, подурочиться или, как любил выражаться Орехов, «проветриться» это еще куда ни шло. А вот поговорить с ней о чем-нибудь серьезном, как с другом, как с товарищем, посоветоваться, поделиться,— это невозможно. Так что при встрече с такими девушками Орехов разговаривал совершенно не так, как всегда. В обращении с ними у него выработался условный рефлекс. Для этих девушек он специально имел небольшой запас фраз и случаев из

Рассказ
Б. Левина

летной жизни. И так как многие девушки очень часто задавали одинаковые вопросы, то для них давным-давно у Орехова были заготовлены ответы. Вот, например:

Девушка (это всегда спрашивали в первый же день знакомства): А как летать страшно?

Орехов (каким-то пошловатым, не своим голосом): Страшно, но воздух— моя стихия.

Тут он обыкновенно делал небольшую паузу и прибавлял загадочно:

— Я, когда не летаю, чувствую себя отвратительно. Шум мотора для меня алкоголь. Отберете у меня машину,— и я застрелюсь.

Орехову, между прочим, никогда не бывало страшно, но сказать об этом, значит, никакого впечатления. Так же он великолепно себя чувствовал, когда и не приходилось летать, но он знал, что девушкам так больше нравится. Особенно про «застрелюсь».

И действительно, девушка ласковой смотрела на Орехова и шептала:

— У вас киварья, и вы летаете. Как это красиво.

Неожиданно девушка картавила и говорила так, как будто у нее в носу только что выросли поллины.

И Орехов, смеясь над этой глупой девушкой, говорил ей в тон:

— О, да, это так красиво. Это феерично!

Когда Орехов познакомился с Зной, он подумал о том, как здорово Зина похожа на Катю М., а также он с горечью подумал, как часто люди внешне похожи друг на друга и как мало трафаретов отпугивала природа на это дело. Он даже спросил у Зины:

— Не сестра ли вам Катя М.?

— Нет,— ответила она,— у меня сестер нет.

— Впрочем, эта деталь не существенная,— заметил Орехов,— самое главное, что вы так же прекрасны, как она.

Зина на это ничего не ответила и, вообще молчала. Орехов решил, что она принадлежит к группе «Б» (молчаливо-глухие) и что это гораздо лучше, чем группа «А» (болтливо-глухие). Группы «А» и группы «Б» — это он сам придумал, а для чего,— не знал. Не для статистики-же?

В следующий раз, когда он встретился с ней, он сказал то, что ему приходилось говорить уже много раз:

— Сегодня утром, одевая гимнастерку, я глянула на свои петлицы и вспомнила ваши глаза.

— Вот как,— заметила безразлично Зина и чему-то улыбнулась.

Между прочим, у нее глаза были вовсе не голубые, а отчетливо карие.

— И о!— если бы,— продолжал он в том же духе,— небо было бы всегда такое, как ваши глаза, то навсегда исчезла бы всякая облачность, что больше всего не любим мы, работники воздуха.

— Вот как,— заметила опять Зина.

И, так как она молчала, либо только говорила «вот как», то Орехову пришлось очень быстро вытряхнуть из себя весь запас фраз и случаев из летной жизни.

Зина говорила с сожалеющим своим товарищу Саше Конвертову,— он учился вместе с ней в техникуме:

— Я как-то познакомилась с одним летчиком. Но я прямо удивлена, до чего глуп и пошловат. Досадно, что среди наших летчиков есть такие типы.

— Познакомь меня с ним,— попросил Конвертов,— я хотел бы полетать.

— При случае,— пожульства. Хотя больше с ним встретиться не намерена. Меня раздражает это: «Мотор слом... Ваши глаза— голубые петлицы»,— передразнила она Орехова.— Брр, как противно!

«Почему она молчит?» — думал о Зине Орехов и сам себя успокоил.— Молчанки любят прикидываться таинственными, молчаливыми, загадочными. Ничего, скоро она откроет свой прелестный рот, и оттуда посыпятся деревянные соловы и бумажные розы.

И вот он опять встретил Зину, она была вместе с Конвертовым.

— Познакомьтесь!— сказала она,— мой товарищ.

Для борьбы с революционным движением социал-фашистская полиция Берлина запретила собрания и шопинг на улицах.

Ив. Малютин

СОЦ.-ФАШИСТ (Брюннику).— Разрешите им, г. Брюнник, оставаться здесь, так как для них это не улица, а квартира...

Очень часто в провинции, наряду с роскошными дворцами культуры, забывают об элементарных удобствах.

Л. Генч

— Хорошо, хоть этот лозунг светится, а то ведь фонари забыли поставить...

ЛЮДИ ОКУЖАЮТ ПОШЛЫЕ ВЕЩИ, И ВИД У ВЕЩЕЙ УЖАСНО ЗЛОВЕЩИЙ

ВЧЕРА

я сидел в гостях
у ударника.
(старый друг детства,
попросту — Сенька).
Новый дом.
Высокий!
Удаленький!

Лестница
блеском
летит по ступенькам.

Вошел в переднюю.
И, словно от выстрела,
шарахнулся
медкою дрожью колен.

С вешалки,
тыща рога ветвистые,
в меня шверлся
пещерный олень.

Сеня же
спрашивает сатирика:

— Ну что,
хороша квартирка?
Квартирка на-ять.
И пару и газу...

Но...
зацепившись за цветочную вазу,

Сразу
забыла приветственную фразу.
Около сына

(мальда-пионера)
бедром изогнулась
лампа-«Венера».

Ручкой прикрыл
свою неприличность,
будто бы шепчет
готовый ответ:

— И я
в социализме —
личность

и даже
распространяю свет.

А около чашки,
где плещется кофе,
с грудкой

окурков и спичек
ухмыляется
пепельница-«Мепистофель».

— Я — буржуазной
культуры
киричик.

Кладете
социализму фундамент.

Ну что ж!
пригодилась туда мы...

А на стене,
в золотораму вдавив,
изобразило

что-то перо
кокетливую Коломбину
и лезущего к ней
Пьеро.

Рот Коломбинки
секунду ожил,
глаза занеслись
принакми:

— Что же,
как видите, мы тоже
в социализме признаны!..
Из-за красоты

вот этой дрянненькой,
где кошка на кошечке,
на чортике чортки,

никак не видно
друга-ударника;
он даже

вещами
симметрию портит.

А Сенька смеется:
— Ловко?

Красивая же
обстановка!
Хожу меж вещей,
осторожный лунтик,

Как бы не тронуть,
не полонать их.

Вещи такие, —
спиреией зверей,
грохотят рогами
из-за дверей:

— Мы тут правим,
мы тут владеем.

Сиди, подчинившись
нашим идеям.

Мы не одни, —
нас целое племя,
на ваших спинках
советские клейма,

мы на обложках
конфеток и мыла,
мы с пастилом
улыбаемся мило.

Мы на обложке
Жарова,
просим любить
и жаловать!

Беседа с ударником
не вяжется как-то,
заговорили

о второй пятилетке,
А тут Мепистофель
реальнейшим фактам

ухмыляется —
скептик едкий.

Речь заведешь
о пилке фазеры,
ну, какая тут
пилка,

когда переименовывается
Венера
со свиной-кончалой.

К каким таким
идейным глубинам
тебя влечет

Пьеро с Коломбинной?
Ушел.

Со стены
какая-то лепка
меня провожает
без сожаленья.

И ветром зимы
продувается кепка
продырявленная
рогом оленя..

Страшные вещи
рынок насытил,
тысячи

статуэток,
кошек,
ладей,

а вещи ж
тоже идей носители,
тоже

воспитывают людей.
Старых вкусов
остры укусы,

чтоб в быт
не вгрызался
сухаревский вкус, —
товарищи,

переделывайте вкусы,
как переделывают Москву.

С. Кирсанов

КАРТИНКИ С НАТУРЫ

I

— Как вам это нравится! Вчера
купил пять коробок консервов и чуть
не отравился.

— Возмутительно!

— Что ж, вы заявили санитарному
врачу?

— Нет, зачем.. Я их продал хо-
рошему знакомому.

II

На вокзале у телефонной будки
очередь. Каждый дождавшийся долго
добивается станции, долго разговари-
вает. Очередь нервничает.

Подходит маленький человечек с
маленьким чемоданчиком. Решитель-
но открывает дверь будки и обра-
щается к занимающему телефон
гражданину:

— Гражданин, выйдите, пожалуй-

ста. Я монтер, проверяю автоматы.

Гражданин покорно выходит.

Монтер минуты три оживленно бе-
седует по телефону. Потом выходит
и говорит, обращаясь к очереди:

— А я не монтер!

III

В трамвае.

— Куда прешь, махал! Тут тебе
не Сухаревка...

— Правильно.

— Конечно, правильно. Спрашивать
надо. Может, я вперед тебя слезю.

— Правильно.

— А ежели правильно, то нечего
и переться. Надо мозгами шевелить.

— Правильно.

— Заладил — правильно да пра-
вильно... Других слов, што ля, не
знаешь?

— Знаю, только спорить не охота.
Улисс.

БЫТ ОБЫВАТЕЛЬСКИЙ

ДОБРОДУШНЫЕ либералы склонны считать обывателя мирным, безобидным существом и весь обывательский быт сводят к самоварчику, к неведомой канарейке, к невиданной герани.

Ничего подобного! Обыватель свиреп, вооружен клыками и всегда готов пропороть живот ближнего своего. В своем быту обыватель занимается не воображаемыми канарейками, а неустанной борьбой чисто военного характера.

Начнем с обывательской квартиры.

Обывательская квартира — неприступная крепость, форт, по меньшей мере блиндаж, со многими линиями укреплений.

Первая линия укреплений — лестница. Обыватель содержит ее в неприступном состоянии. Она покрыта коварной, скользкой грязью, защищена густыми, непроходимыми облаками кошачьего газа и вдобавок погружена в непроницаемую темноту.

Вторая линия укреплений — дверь в квартиру. Она искусно замаскирована дохмотряпками из клеенки и войлока. Надписи и рисунки мелом ошарашивают всякого, кто вздумал бы вагачь спичку. Для одоления сложнейшей звонковой и стучковой сигнализации требуется не мало мужества и храбрости.

Третья линия укреплений — коридор или общий ход сообщения. Если бы на свете существовали черты, то они все оказались бы со сломаемыми ногами. Пройти без членовредительства по этой сплошной баррикаде сможет только сам обыватель квартиры, который знает, где пританансь велосипед, шкаф, вешалка, останки швейной машины, колясочка, корытце и прочий бесчисленный хлам. Баррикада окутана, еще более чем лестница, газами животного и растительного происхождения. Из последних надо отметить конопляное и подсолнечное масло, которое при печении обывателем оладий, создает особо душную атмосферу.

По бокам коридора расположены замаскированные пылью и паутиной обывательские гнезда. Они носят громкое название жилплощади, но — в отличие от граждан — обыватель содержит их в таком состоянии, что жилплощадь хочется назвать несколько иначе. В этой своей норе обыватель непрерывно тренируется в боевых упражнениях. Он раздает подзатыльники своим детям и изощряется в словесном, а иногда и рукопашном бою с супругой.

Из своей норки обыватель выползает в общий коридор для схватки с соседями. Здесь баталии происходят около телефона, счетчика и уборной. Но генеральное внутреннее сражение разворачивается преимущественно на специально отведенном плацдарме, именуемом общей кухней.

На кухне боевые игры и потехи производятся ежедневно с 8 часов утра и до полуночи. Начинаются они, по обычаю, словесной перепалкой, но к концу боя пускаются в ход даже огнеметы: участники сражения бросают друг в друга горящие примусы.

В своем ожесточении обыватель доходит до применения во внутренней квартирной борьбе жилищных зверств. Он применяет даже методы радиовоздействия на противника. По своей разрушительной силе, сводящей на-нет нервную систему врага, хороший громкоговоритель равняется известной германской пушке «Берте».

Из других жилищных зверств следует отметить прием гостей и торжество по случаю так называемого обывательского «дня ангела». То и другое гости заканчивают коллективным побойщем и всеобщей потерей калаш.

Среди тактических приемов боя в жилищной обыватель нередко применяет тихую сапу, подкопы, допеканье, склоку, измор и как венец этой тактики — неизбежный суд.

Обыватель пощады не дает. Противник это знает и никогда ее не просит.

Признаком полной капитуляции служит обычно объявление поверженного в прах врага:

«Меню комнату в центр. вс. уд. сух. сол. р. безразличен».

Тогда радости победителя нет пределов:

— Ага! Район ему, подлецу, безразличен! Значит, я его допек основательно!

И зверь набрасывается на следующего соседа по квартире.

Натренировавшись у себя в квартире, обыватель выходит на улицу и здесь тоже применяет свои воинственные привычки. Без надобности он толкает прохожих в грудную клетку, наступает на пятки впереди идущих, спихивает с ног детей и старух.

При переходе через улицу действует убийственно на нервы вагоновожатых и шоферов. Он неуклонно лезет под колеса, не обращая внимания на правила уличного движения и сигналы. И если милосердный шофер не раздавит его, то спасенный обыватель тут же обложит спасителя, как скотину.

Озверев окончательно, обыватель бросается в трамвай, где за десять копек получает возможность толкать под мышки неизвестных ему граждан, наступать на трудовые мозоли и тискать женщин.

То же самое он проделывает вечером в кино или в раздевалке театра.

Впрочем он пускает в ход свои локти и клыки всюду, где только встречается с гражданами.

Это говорит о том, что обыватель, которого предстоит переделывать новому социалистическому обществу, вовсе не является мирным, безобидным существом.

Он — клыкастый зверь, и герань с канарейкой существует только в воображении либералов.

В заключение надо отметить некоторую антирелигиозную роль воинствующего обывателя.

Многие обыватели обывательских квартир перестали под влиянием вышеописанных жилищных условий верить в святых.

— Тоже святые! — говорила одна старушка снимая со стены икону Симеона Столпника, который жил отшельником на столбе и потому почитался святым. — Подумаешь, какая важность — столб! Жил без соседей, с отдельным ходом, спокойно себе помалкивал. Нет ты, суки кот, поживи у нас, в коммунальной квартире, рядом с Петром Петровичем, тогда действительно можешь считаться и великомучеником!

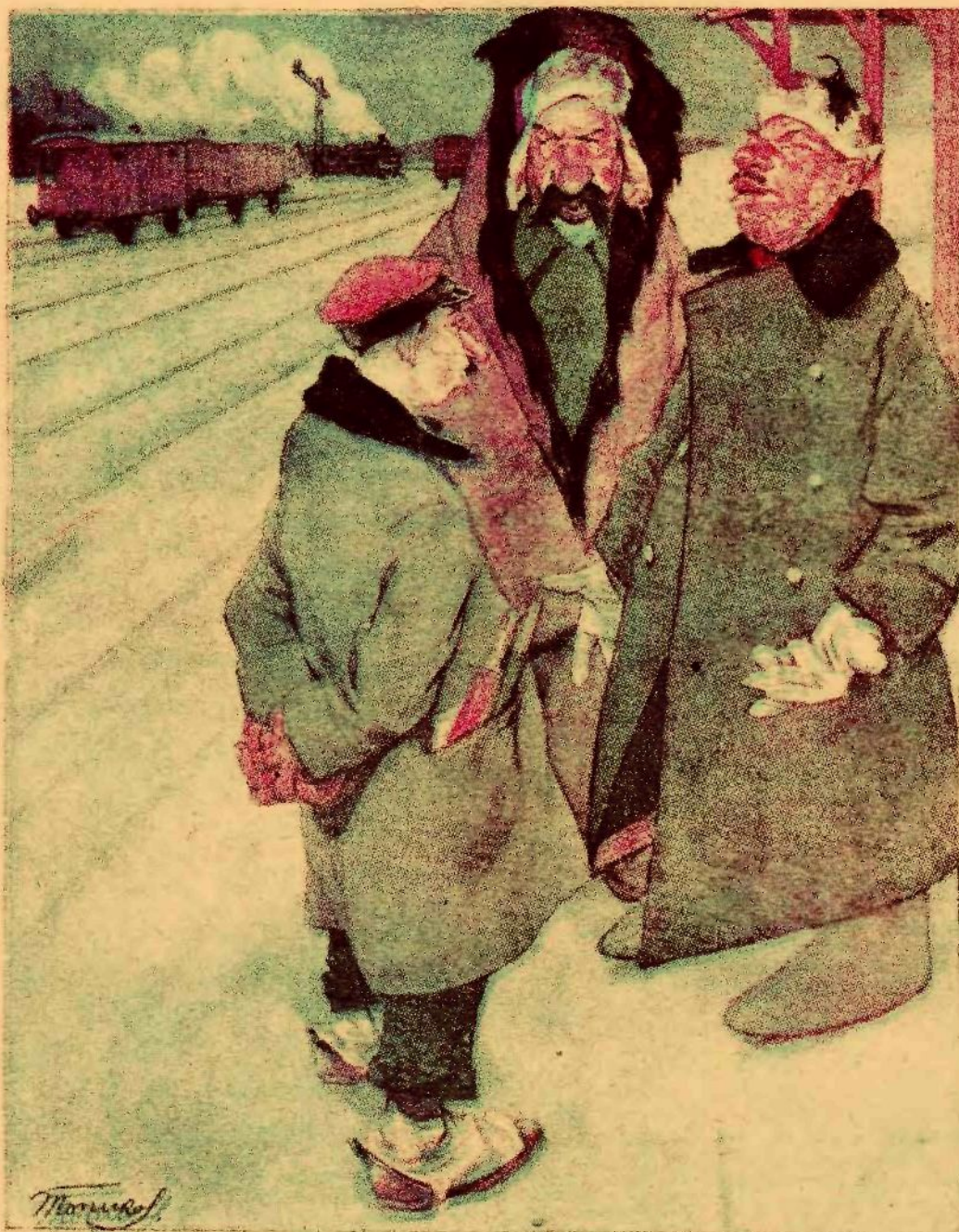
И старушка накрыла доской горшок с картошкой.

Б. Самсонов.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ ХЛАДНОКРОВИЕ

А. Топиков

В последнее время из-за халатности транспортников было несколько железнодорожных катастроф.

— Закрыв бы, Петряев, семафор-то! Ведь налетит шестнадцатый-то?
— А не мне, Василий Иванович, закрывать-то. Чушкину закрывать. Он, чудак, в дежурке спит, а я сегодня выходной...

„ПРИНУДУЧЕБА“

УРАА... На Изумрудных копях, от камешков прыдя в восторг, всю культуработу на галопе ведет «энтузиаст»-профорг. Объятый пылом созидания, он бросил лозунг боевой:

«Внедрить технические знания и на земле и под землей!»

Вот от панели и до крышки на каждом впадении висят красноречивые афиши, во-всю в лекциях глася. Увы! — они напрасно звали...

Искать не будем мы причин, но неизменно в гулком зале печальный лектор был один.

— Повор! Скавдал! А где же массы? Не в стены ж технику долбиты! Профорг задумал тем же часом профметод круто изменить.

Подкараулив после смелых, рабочих прямо из бадьи профхитроумец постепенно в свой «департамент» увел.

— Зайди ко мне, голубчик, прежде, вон в эту дверку, вон туда, по-толковать о спецдежде с самим инспектором труда.

Глядит профорг, — собрался кворум (с натуги малый весь промок), — и вот в момент без разговору он «департамент»... на замок!

Кто б ждал подобного эффекта?!!

В лозушке приулок шахтер... А в ту минуту вышел лектор, протер очки да и попер...

*

Уснула ночь. И тишь, как в морге. Профорг, открыв флакон чернил, строчит отчет в немом восторге:

— Я в массы технику внедрил!

Внедрял... А завтра после смены шахтер от лекций сам не свой, скрываясь за заборы, стены, бежал без памяти домой. И лишь войдя к себе в ворота, шахтер взмолился к небесам:

— Спаси, господь, от профработы, а с техникой я справлюсь сам!

Ураа...

На Изумрудных копях*), прыдя в женственный восторг, всю культуработу нынче топнит перестаравшийся профорг.

А. Стоврацкий.

*) От. Вожжова.

БЕГЛЫЙ ОГОНЬ

СЛОВА И ДЕЛА

Первый маршрут о магнитогорском чутуном идущий в Москву, простоял 18 и 19 февраля на станции Шолтаево более 12 часов по вине Вязноустовского депо, не подавшего своевременно паровоза.

Свет не плахой, и отнюдь неспроста, деке Златоуста даем для науки: мало иметь «златые уста», — нужно иметь «златые руки».

САМОПИТ

На один городской трест общественного питания Вяз.-сиб. края в течение 1951 года не сделал выкопления. Все дали огромный убыток. Томский трест вместо 100 тысяч прибылей дал 72 тыс. убытка. Барнаульский окончил год с дефицитом в 18 тыс. рублей.

Увы! — не смолен капитал, и вот итоги для финала: здесь потребитель голодал, а Коопит пресел не мало.

Зав. Магнитогорским клубом торжков тов. Пронин не считает удобным дать комнату для техпропаганды, так как в ней рядом с портретами всегда висит портрет самого зав. клубом.

«Стальмосту, Коксохимкомбинату, Промстрою.

С получением сего предлагается вам немедленно прислать деньги за ремонт уборных. Мы на хозрасчете. Если не пришлете — не будем ремонтировать».

Занятые срочными делами по стройке организации денег прислать не органились.

Тогда Черненко распорядился:

— Работы прекратить. Не хотят платить, пусть не пользуются уборными. Растял же в себя полтора года доброту голову. Терпел. Ну, так пусть и они терпят, если не хотят платить!

Разрушенные уборные вянут черными дырами. Вокруг, как после сражения, лежат сорванные двери и остатки стен.

Идет весна. Стройке грозят эпидемии из-за загрязнения площадки. Но Черненко стоек, как алмаз. Он может ждать. Пусть платят!

Вероятно, в конце концов, организация сдадутся. Они заплатят.

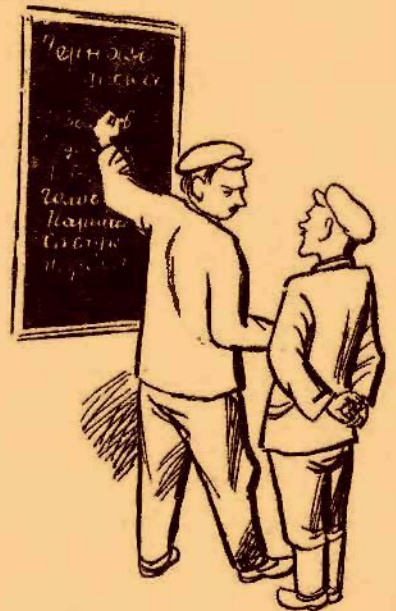
И Черненко построит уборные, достойные Рокфеллера.

Но мало, что этот безусловно чеховский герой не читал своего автора. Совсем рядом с рассказом о себе он смог бы прочесть также рассказ о «Человеке в футляре», а дальше сообщение о знаменитом Изяшеве 7-и, который «хотя и сядьбой, но дура»...

И тем пополнить свое образование. Бес-Гам.

Поход на реализацию шест и условий тов. Сталина пожелал, что на платоустовских ДОМ-НАЗ труд организован плохо. Десятки зачастую уходят и оставляют свой участок на произвол.

А. Генч

— Могу я видеть ваших десятников?
— Пожалуйста, смотрите: вот они все у нас здесь на черной доске.

ВИЛЫ В БОК

СО СЛЕЗОЙ

Говорят, что хороший сыр всегда со слезой бывает. Но, между прочим, и хороший оппортунист тоже может быть со слезой.

Не верите? Сейчас докажем вам. Когда зав. ОТЗ магнитогорского металлозавода Грудин получил от цеховой ячейки постановление: «За правооппортунистическую практику в работе тов. Грудина с работниками слять», Грудин пустил обильную слезу и начал пускать ее в жилетку знакомых.

— Вот раньше спокойно шло, хорошо. Никаких оппортунистов, ни правых ни левых не было, о тройке не слышали. Благодать была!

Сквозь эту слезу Грудин довольно кивательно проглядывает фиктивные мешанины с партбилетом.

НУЖНЫ ЗАМКИ

Культработник объединенного рабочего строителей на ЦЭС Кольцов добился блестящих успехов: ни один красный уголок во вверенном ему районе не функционирует.

На вопрос постройкома, почему Кольцов убрал красные уголки, вышедший из «культработки» глупокоммиссарно ответил:

— Нет вышкови! Вот когда будут замки, тогда красные уголки будут работать по-настоящему.

Правильно. Кольцову не хватает только замков. Появятся эти работяга зарыв активности, достанет замки, запрет на них красные уголки окончательно, и тогда дело будет в шляпе.

ВЕЖЛИВОСТЬ ДО УПАДА

Вежливость персонала распреда № 69 ВЭС превосходит всякое вероятие. Потребителю здесь не только дают сколько угодно масла, мяса, трикотаж, посуду и так далее, но даже самоотверженно предлагают:

— Не угодно ли вам, товарищ, взять у нас бесплатно, на прокат, чемодан? Вам ведь неудобно будет нести эту продукцию. Пожалуйста!

Не верите? Факт! Каждый может на себе проверить это. При чем единственное небольшое условие для того, чтобы заслужить такое обращение, нужно быть... женой или теткой зам. магазин Долгакова. Ну, а кто этого условия выполнять не хочет, — пусть пеняет на себя. Ни шкура не получит!

ПАПАША ЧЕРНЕНКО

МНОГИМ, конечно, известен прекрасный рассказ Чехова о том, как влюбленный парикмахер целый год бесплатно стриг и брил папашу своей нареченной невесты.

Но вот однажды, в самый разгар стрижки, папаша объял женку, что невеста выходит за другого, более выгодного кандидата. Пораженный в самое сердце, влюбленный парикмахер прекратил стрижку на половине работы и потребовал от клиента гризеники, на общих основаниях.

Но твердый, как алмаз, папаша стер мыльную пену с обритой половины головы и заявил:

— Не хочешь брить бесплатно, как хочешь. А платить не буду. Подожду пока отрастет, сравняется.

Совершенно неожиданно нам удалось обнаружить чеховского папашу на Магнитострое. Он постарел, правда, обрюзг, волосы на обритой половине головы давно отросли, он даже переименовал фамилию на Черненко и служит теперь помзаком коммунального хозяйства.

Папаша Черненко заведует, между прочим, довольно прованческим, но совершенно необходимым для благополучия магнитогорцев делом — наблюдением за уборными стройки. При чем следует отметить, что этот прованческий участок являлся совсем недавно крупной влобой для на Магнитострое.

Работающие на домне в поисках горючего топлива мчались на Гору, с Горы на Коксохимкомбинат, из гостиницы в цирк и так далее, так как уборных мало.

Ответственный же папаша Черненко, с добродушной улыбкой, скрестив руки на животике, мягко улыбался, наблюдая за этим великим переселением народов.

Только когда специальная комиссия предписала немедленно принять меры к приведению площадки в надлежащий санитарный вид, Черненко неожиданно проявил кипучую деятельность.

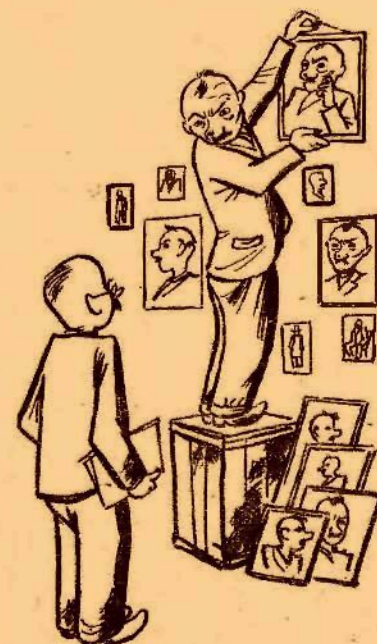
В один прекрасный день площадку заповняли специальные люди, набросившие на уборные. Люди отрывали двери клозетов, выламывали ступени, вскрывали входы, разрушали стены.

Парадом командовал Черненко.

— Ломай станик долдай! — кричал Черненко. — Выдирай доски! Оставляй одни дыры! Мы тут такие клозеты закажем, что из Нью-Йорка привоуд чертежи покупать.

Когда разрушение уборных было закончено на всей доменной площадке, Черненко с удовольствием потел ладони, осмотрел Митяево побонце и сел писать срочные отчеты.

А. Генч

— Мне для моих портретов дополнительная площадь нужна, а вы еще тут со своей техпропагандой лезете!...

САМЫЕ ходовые стандартные начала очерков о новостройках, о переоборудованных заводах, о новых и обновленных городах у нас узаконены в таких примерно выражениях.

«Там, где были огорды и пустыри, где были волки и расцветал лопух»...

Или: «Там, где ржавеет железо и стояли бездымные трубы, где выпь в лесах — да толь во мхах»...

Или: «Сей город был на карте генеральной кружкой отмечен иногда. Главная Проезжая улица утопала в грязи. А на каждые шесть целых и четыре сотых человеко-жителя приходилось полезной жилплощади не более трех целых, ноль, ноль, ноль семь тысячных. А»...

«Оставим сравнительную географию — это весьма убаюкивающее и размагничивающее средство, которое на местах используют и так:

— Что? Вам не нравится, что на четырнадцатом году революции город охвачен водопроводом всего на ноль целых и четырнадцать сотых? Что? Водовозы, по-вашему, — пережиток? А известно ли вам, каково было общее состояние водоснабжения при Минине и Пожарском?

Оставим. И взглянем без обиняков и сравнений в бывший уездный город Подольск, ныне Московской области, ныне большой Подольск, родину советского крзкинга и Госшвеймашинны.

Очеркист из вышеупомянутых сразу по выходе на площадь из тесного и прокуренного, как трубка, вокзалишки, затянет привычную волынку:

— Там, где дышал парным венником старый трактир, где скрипели под ногами гнилые доски, заменявшие тротуар, где косыми крестами стояли керосиновые фонари, — там теперь пылают прожекторы и мощной шеренгой стоят корпуса новых многоэтажных домов.

Так. Все это и сильно и возвышенно. Но горит прожектор, как плошка, и все пятнадцать прожекторов, «просвещающих» город Подольск, страдают куриной слепотой. А из окон четырехэтажного дома червячками ползут коленчатые трубы, и фасад прокопчен, как окорок. Это без ретроспективных сравнений, конечно.

Но вот поэт из тех, что пишут «Руку, товарищ завод», молитвенно изложил бы сне:

Вот дом, в нем воплотилась мысль.

И дом из труб стремится высь!».

Белое новенькое здание клуба металлистов, стоящее на зиннем перекрестке, поэт обязательно сравнил бы с волжским пароходом в затоне. Это красиво. Но на «пароходе» зинует своя, местная... красная халтура. В случая же особо торжественных в этом клубе к концертной закуске после официальной части выписываются московские имена и фамилии.

Но так как у нас (и в Подольске) не любят говорить, то официальная часть, начатая часов с шести, заканчивается к половине двенадцатого, а без пяти двенадцать уходит последний поезд на Москву. Поэтому конференсье стоит перед публикой с часами в руках. Он спешит и волнуется:

— Чорт его знает, куда девался посланный за билетами?

— Короче! — шепчет он из-за кулис левизе. — Не надо рефренов. Комкайте, комкайте! У нас еще семнадцать номеров и двадцать три минуты времени!

— Не смей на бис Искалечу! — напугавает он выходящего куплетиста.

Суета-суета. На сцену выходят одновременно два номера: танцоры и квартет. За кулисами топот и трагическое перешептывание.

— Исполнившие, — бегом, бегом на станцию!

— Чья эта картонка?

— Ладно, хватай! В вагоне разберется.

— Шесть минут в нашем распоряжении. Эй ты там, на сцене, закройся.

Фельетон А. Митницкого

Рисунки М. Хратковского

«Мы слишком торопимся вперед, чтобы считать доверенной грамотой подпольской мерной именной хозяйственной работы».

МОЛОТОВ.

«Городское хозяйство поведет себя от общего развития всего народа, оно хозяйствен».

КАГАНОВИЧ.

— Бэ-е-гом!!!

— Но почему же такая спешка? — спросит нас недоверчивый читатель.

— А потому, что гостиница имеется пока только в проектах большого Подольска. Имеются, правда, при дворе Дома крестьянина свободные стойла, но человек — это звучит

гордо. И редко кто из приезжих идет навстречу такому гостеприимству.

В борьбе с театральной зависимостью от Москвы здесь даже создан свой банно-театральный комбинат. Его составные части: баня, дезинсектор и ПХАТ (Подольский художест-

«БОРЕЦ» ЗА НОВЫЙ БЫТ

А. Рядяков

МУЖ (жоне). — Ты — нищее существо! Твой жизненный путь отмечен посудой!

венный академический киносейтр). Все это тесно увязано в одном доме... Над баней огромная вывеска, гласящая «Бани открыты», — и широкая, как устье, лужа грязной воды, которая вытекает из бани и свидетельствует, что бани действительно открыты.

Несмотря на такую «пропускную» способность бани, самому ретивому посетителю не удастся помыться больше пяти раз в году. Но зато гигантские планы большого Подольска

судят городу банно-гигант, с пропускной способностью двести человек в час.

Вообще в Подольске теперь все гигантское. Горсовет запретил строить дома ниже пятиэтажных. Больница намечена такая, чтобы столицы завидовали, — не меньше, чем на тысячу пятьсот квкв. Размеры Дома обороны разработаны немногим более, чем у Дворца советов в Москве.

А недавно один завод пытался построить дом в рабочем городке в четыре этажа. Но ему твердо сказали:

— У вас уже есть пятиэтажные дома. Вперед и выше. Стройте шестиэтажные — А стройматериалы!

— Ну, какие могут быть разговоры? Вперед и выше. Время не ждет!

И действительно, такая спешка, что не успеют одно здание возвести, как принимаются за другое. Наспех создается свой подольский архитектурный совет, а проекты вычерчиваются и разрабатываются... в Москве. Спешка.

Такая спешка, что не угнаться за ней часам. И потому, вероятно, нет ни часов ни ходиков — ни на улицах ни в учреждениях. Такая спешка, что построили фабрику-кухню по последнему слову техники и уж недосуг было подумать, — а куда поименно сливать?

По этому поводу «Подольский рабочий» скромно осведомляется у Подольстроя:

— Неужели последнее слово техники предусматривает отсутствие помоев в столовой вообще?

Подольстрой не отвечает. Но зато поэт из эзевжих обязательно вздохнет этим.

Поэт поразят также крупнейшие корпуса Строительно-силикатного института. Напротив, через дорогу, поэт увидит потемневшие от времени резные домики на курьих ножках. И уж обязательно озглавит свою скоропалительную поэму: «Поединок эпох». Ну, какой может быть поединок у корпуса-слона с мухами-домиками.

Нет, товарищ поэт! Поединок теперь в другом и с другими.

Поединок теперь в Подольске должен быть с теми, кто устанавливает в городе прожекторы и дает им накалку в пятнадцать свечей; поединок с теми, кто плюет с прожекторского небоскреба на планы и действительность.

И это может быть скучно для поэтических людей, но в папках президиума РКК РКИ Подольска есть один протокол за номером пятьдесят четыре. Там очень наглядно в контрольных цифриках и крутых выражениях показан вот этот самый разрыв действительности. Разрыв, несмотря на то, что Подольск уже не прежний, он действительно перестраивается, он действительно строится, он уже большой.

Но подольчане еще не забыли по-старинке своего доморожденного клопа, очень любят они вспоминать о том, какой был Подольск пять лет, десять лет, пятьдесят лет назад, но разве не интереснее поговорить о том, какой будет Подольск лет пять спустя без прожектерстаа и небоскребов?

А. Митницкий.

„М О Е!“

„Н А Ш Е!“

Фотомонтаж Б. Клима

МИНИМУМ

В ларьке № 15 на ст. Индюк, Туапсинской жел. дор., завелся грызуны. В результате акт:

Комиссия в составе Артеменко, Пятали, Лянга и Грибенюк провела описывание пришедших в негодность товаров:

1. Шапка суконовая на Р. 2—30 с'едена мышами.
2. Кофе «Здоровье» 3 пачки на Р. 0—88 с'едено мышами.
3. Тесьма шелковая на Р. 8—90 с'едена мышами.
4. Бумага оберточная 2 кил. на Р. 1—00 с'едена мышами.
5. Хлеб печеный 5 кил на Р. 0—70 с'еден комиссией по проверке.
6. Консервы 2 банки на Р. 2—40 с'едены комиссией по проверке.
7. Хлебного вина 2 литра на Р. 15 выпито мышами.

Итого руб. 25—33.

В этом перечне одно кажется невероятным: не пьют мыши водку! Признаемся: этого в акте и нет, от себя добавили. Но, чтоб составить такой акт, нужны: комиссия в вышеперечисленном составе и не менее 2 литров хлебного!

«БЕЗРАБОТНЫЙ» ГРОБ

О заболевшем сотруднике ярославской конторы связи Кажасеве пропелся слух, что он умер. Местком, не проверив слухов, провел подписку на похороны, купил гроб, венок и пригласил оркестр. К вечеру того же дня выяснилось, что Кажасев умирать не собирался. Гроб и венок остались в месткоме без применения.

Надгробные рыдания все же состоялись... над месткомом!

КТО БОЛЬШЕ?

В станице Талгор (Калининский район, Кавказстан) 12 января—базарный день. Героем базарного дня на этот раз оказалась талгорская милиция. Она устроила аукцион разногочеснобесхозьяйственного имущества. На бочку взобрался сам начальник милиции Москаленко и начал:

— Продаются две иконы—Николая угодника и казанской божьей матери. Вполне исправные, на полном ходу. Две иконы—30 копеек. Кто больше?

За начальника милиции Москаленко больше дать нельзя. Такие нынче дешевы!

НЕЗАВИСЯЩИЕ ПРИЧИНЫ

На 7-м участке в Должанке (Ровенский район, Донбассе) вопрос о 6 условиях тов. Сталина не прорабатывался до 20 декабря 1931 года. Объяснение этому находим в протоколе цехкома:

Слушали: о шести указаниях тов. Сталина. Докладчик тов. Трифонов.

Постановили: шесть указаний тов. Сталина прорабатывать опоздало по независящим от тов. Трифонова причинам, так как он был занят.

Предцехкома Кузьменко.

К сожалению, мы не знаем, кто такой тов. Трифонов, — может быть, штатный докладчик, может, занисной оратор, но если уж без него никак нельзя реализовать шесть условий, то личность он, — несомненно, важная и незаменимая. Не лучше ли в таком случае заменить цехком и бюро ички? Из двух зол выбрать меньшее.

МАНИФЕСТ СИДЕЛЬНИКОВА

Административная болтовня иногда облекается в высокую и торжественную форму респиртов.

Приказ № 240 капитана парохода «ЛИННЕ». В честь дня 14-летия Октябрьской революции нес административные взыскания на работников вверенного мне судна снимаю, какые считать амнистированными.

Капитан парохода «Линне» Сидельников.

Во время сочинения этого приказа капитан, очевидно, испытывал сильную качку.

ГОГОЛЬ: — Я пригласил вас, господа, чтобы сообщить вам пренеприятное известие.. Большевики всерьез взялись за ликвидацию моих типов!..

БОЛТОВНЯ ТЕЛЕГРАФНАЯ

В адрес Укрселькоопцентра была прислана телеграмма такого содержания:

Хлебная Харьков Укрселькоопцентр 264 Зинovieвска Киев Межегорская поздравляю со старым семейным счастьем Избавь угрыз Верты

Лариса.

Загадочная телеграмма обошла все учреждение но никто не мог расшифровать ее. Оказалось, что это две телеграфистки записали свой разговор.

Там, где в работу телеграфа впутывается «семейное счастье», несомненно, процветает семейственность!

УСЕРДИЕ НЕ ПО РАЗУМУ

Зав. райадротделом Гурьевского рика т. Кузнецова, придя в больницу, обнаружила, что ее потертое, но довольно сохранившееся пальто забрызгано грязью.

В меру выругав Гурьевский комхоз, Кузнецова обратилась к занятому приемом больных врачу Сундетову:

— Сундетов, вычистите мне пальто...

Врач бросил больных и, взяв бензин и щетку, занялся чисткой пальто зав.

Поражает не столько самодурство Кузнецовой, сколько услужливость врача.

Как говорится: два сапога — пара.

ОДНО НЕЯСНО...

Вот, посмотри сюда на план:

Здесь будет сад, а рядом пруд,

Тут будет свир, а там фонтан,

Везде покой, везде уют.

Во всех квартирах свету — тьма!

Здесь воздух чист, как в Нисловодске,

Мой дом — не прежняя тюрьма:

Доволен будет люд заводский.

Здесь будет физкультурный зал,

Читальня, клуб, а там — гаран,

А тут — системою зернал

Мы создадим отличный пляж...

— Проект прекрасен, — был ответ:

Мельчайший штрих не повабыт,

Одно неясно, где клевет?

— Клевет? Но это ж... старый быт...

Ольсен.

Из-во ЦК ВКП(б) „Правда“. || АДР. РЕД.: Москва, Тверская, 3. Прием смеди. с 1 до 5 час., кроме 6, 12, 18, 24 и 30 числа каждого месяца. Подписная цена на журнал „КРОКОДВА“ — 50 ж. в месяц. Подписка принимается только ПОЧТОЙ до сроков установленных местными почтовыми отделениями.

Редакционная коллегия: Я. Бельский, С. Дорофеев, М. Мануальский, А. Митницкий.

Зав. редакцией: Н. Абрамский

Ответственный редактор М. Мануальский

Москва. Изд. № 188

Сдача текста и рисунков — 18||

Подпись и печать — 25||.

Статформа А4—210×297 Почтовых листов 2. Колич. знаков 65.000

Уполномоч. Главлита № В—19166.

2-я тип. изд-ва ЦК ВКП(б), „Правда“ Москва, Суцеск. вал, 49.

Зах. № 465

Тираж 500.000 экз.

Ю. Ганф

КАПИТАЛИСТ. — Как благотворно действуют на мои акции эти жизненные соки!..